

СИБИРСКАЯ ОДИССЕЯ

В годы разорения приток русского населения в казачьи станицы усилился. Но чем многолюднее становилось вольное казачество, тем больше оно зависело от подвоза хлеба, свинца и пороха из внутренних уездов России.

Война на всех границах побуждала русское правительство все чаще нанимать на службу крупные казачьи отряды. Наибольшую известность в конце Ливонской войны получили атаман Мишка Черкашенин с донскими казаками и Ермак Тимофеевич с волжскими.

Донцы участвовали в обороне Пскова от войск Батория. Волжские казаки действовали в районе Смоленска. Летом 1581 г. воевода Хворостинин с полками переправился за Днепр и разорил окрестности Могилева. Местный комендант точно установил имена 15 предводителей смоленского войска. Последними в его перечне значатся: «14. Василий Янов, воевода казаков донских; 15. Ермак Тимофеевич, атаман казацкий».

Сведения литовцев, полученные от пленных русских ратников, отличались надежностью. В подчинении головы Василия Янова находилось несколько сот донских казаков. Ермак командовал отрядом волжских казаков.

Военная демонстрация в районе Смоленска задержала наступление Батория на Псков.

Грозный тщетно пытался втянуть в войну с поляками Ногайскую орду. Ногайский хан Урус велел ограбить царского посланника Девочкина. В начале мая 1581 г. в Москве узнали о том, что крымское войско вместе с азовцами и ногайцами вторглось в русские пределы.

Вторжение вызвало крайнюю тревогу в Москве. Не опасаясь мятежа своих ногайских вассалов, царь оставил в Астрахани совсем небольшие воинские силы. В Поволжье находилось немало вольных атаманов со своими станицами. На них-то и была теперь главная надежда.

В начале мая 1581 г. бояре «приговорили» послать наско-ро гонцов к атаманам на Волгу. Вольные казаки получили приказ устроить засаду на переправах и разгромить ногайцев, которые будут возвращаться с Руси с «полоном». Казакам надлежало закрепиться на волжских переправах и помешать ордам переходить с берега на берег. Отбив пленных, казаки должны были прекратить военные действия и, во всяком случае, не нападать на ногайские улусы.

Три недели спустя Посольский приказ обратился к Урусу с посланием. Власти напомнили князю о разгроме его столицы казаками в отместку за сожжение Москвы и дали понять, что теперь все может повториться. Стоит только царю приказать «вас самих воевать и ваши улусы казаком астраханским и волж-

ским и казанским и мещерским и над вами над самими досаду и не таковую учинят. И нам уже нынече, — многозначительно писали посольские дьяки, — казаков своих унять не мочно».

Гонцы, спешно посланные в Поволжье, познакомили волжских казаков с новым наказом. Фактически Москва не только предоставила волжским казакам свободу действий в отношении ногайцев, но и подсказала им, куда следует нанести удар. Атаман Иван Кольцо с волжскими казаками напал на столицу Орды Сарайчик.

Хан заявил протест, но московские власти тут же заверили его, что служилые казаки «на Сарайчик не хаживали, а воровать на Сарайчик приходили беглые казаки, которые, бегая от нас, живут на Тереке, на море, на Яике и на Волге, казаки донские, пришед с Дону, своровали...».

Прямые инструкции из Москвы запрещали атаманам переносить военные действия на территорию Ногайской орды. Но казаки знали о вторжении ногайцев в русские пределы и обращались с ними по законам войны. Атаман Иван Кольцо подстерег отряд ногайцев, возвращавшийся из России с пленными и награбленным добром, и разгромил его.

В августе 1581 г. дворянин Василий Пелепелицын сопровождал ногайское посольство, посланное Урусом к царю. 1 сентября он явился в Москву и доложил, что ногайское посольство было разгромлено и пленено волжскими атаманами Иваном Кольцо, Никитой Паном и Саввой Болдырей на Волге. То были главные атаманы, позднее предпринявшие с Ермаком поход в Сибирь.

Обратим внимание на дату. Атаман Иван Кольцо громил ногайцев на Нижней Волге в конце лета 1581 г., а Ермак в то же самое время воевал с литовцами под Смоленском, вдали от владений Строгановых.

Отряд Ермака объединился с отрядом Ивана Кольцо, по видимому, уже после заключения перемирия с Баторием в январе 1582 г. и возвращения Ермака в Поволжье.

Волжские казаки получили приглашение от Строгановых после того, как их вотчина подверглась нападению сибирских племен.

Вскоре после Семенова дня (1 сентября) 1581 г. старшие Строгановы пожаловались царю Ивану Васильевичу, что пелымский князь пожег их деревни на Чусовой, а их ближайший родственник Никита Строганов, которому по разделу достался городок Орел на Каме с гарнизоном и пушками, не оказал им никакой помощи. В конце 1581 г. Грозный ознакомился с доносом и сделал выговор Никите. В царской грамоте имя Ермака не упоминалось. Совершенно очевидно, что известного волжского атамана не было в чусовских владениях Строгановых. Иначе он не позволил бы малочисленным пелымским отрядам безнаказанно жечь и грабить русские деревни в Прикамье.

Прошел год, и Пермский край подвергся куда более опасному нападению. Воевода главной русской крепости в Приуралье — Чердыни — Василий Пелепелицын спешно уведомил царя, что в Семенов день 1582 г. войска сибирского хана и пелымский князь напали на крепость, а Строгановы не выручили его, но в самый день штурма послали Ермака и его казаков воевать сибирского султана. В ответ Иван IV направил в конце 1582 г. новую грамоту Строгановым. Будучи в сильном гневе, он грозил Строгановым великой опалой и повелевал немедленно вернуть Ермака из сибирского похода. России нужен был мир любой ценой, и монарх не желал начинать войну с Сибирским ханством. В царской опальной грамоте 1582 г. каждое слово — на вес золота. Грамота непосредственно отразила событие, положившее начало сибирской экспедиции Ермака. Казаки ушли в Сибирь на глазах у чердынского воеводы Василия Пелепелицына 1 сентября 1582 г., о чем он тут же и донес царю. Не верить воеводе нет оснований.

Среди сибирских летописцев едва ли не самым осведомленным был придворный историограф Строгановых. Еще бы! Ему был доступен архив именитых людей. Летописец ознакомился с подлинными царскими грамотами Строгановым 1581–1582 гг. Но он прочел их крайне невнимательно. В результате автор летописи заключил, что в обеих грамотах описано одно и то же нападение сибирцев на владения Строгановых, и имен-

но после этого нападения Ермак выступил в поход 1 сентября 1581 г. Историки, начиная с Карамзина, с полным доверием отнеслись к свидетельству Строгановской летописи. В итоге ошибочная дата была принята всей последующей историографией и до нынешних дней фигурирует в качестве аксиомы в ученых трудах и учебниках. Критический анализ источников позволяет выявить ошибочность одной из основных дат русской средневековой истории.

Подобно археологу, историк старается обнаружить древний слой, отбрасывая скопившийся мусор и поздние наслоения. Любой обломок из раннего пласта может открыть исследователю очень многое. Число древних документов с упоминанием имени Ермака можно перечесть по пальцам. Вещей, принадлежавших атаману, сохранилось еще меньше. Самая примечательная из них — пищаль Ермака.

Некогда Грозный разрешил Строгановым основать пушечный двор в их «столице» на реке Каме — Орле (Кергедане). Их мастера делали неплохие пищали и пушки. Одна из пушек хранилась до 1917 г. в доме Строгановых в Петербурге. Ученый-палеограф В.В. Голубцов видел пушечку и скопировал надпись с ее ствола. Надпись гласила: «В граде Кергедане на рече Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090». После революции пушка исчезла.

Надпись на пищали подтверждает хронологию, обозначенную в грамотах Грозного. Пушечка была отлита в конце 7090 (летом 1582) г., а экспедиция началась 1 сентября 7091 (1582) г.

История сибирского похода окутана покровом легенд. Прояснить дело могут лишь новые архивные находки. В казацком войске Ермака не было ни историографа, ни архива! И все же поиски архива увенчались успехом.

Кто не мечтал об открытии исчезнувшего архива! Бесценные документы находят в самых неожиданных местах — недоступных горных пещерах, на морском дне, в трюмах затонувших кораблей, на чердаках старых домов. Но иногда следы архива удается обнаружить в давно известных рукописях.

...Первый сибирский архиепископ Киприан приказал «климати» Ермаку и его погибшим товарищам вечную память. Архиепископские дьяки расспросили оставшихся в живых участников похода и на основе их рассказа составили поминальный список «убиенных» и краткую летопись. Преемник Киприана архиепископ Нектарий получил назначение в Тобольск в 1636 г. Он поручил своему дьяку Савве Есипову «распространить» (расширить) архиепископскую летопись.

Прошло много лет, и некий любознательный книжник старательно скопировал Есиповскую летопись, дополнив ее многими удивительными подробностями. Так возникла Погодинская летопись, которая хранится ныне в Публичной библиотеке в Петербурге.

Погодинская рукопись ставит перед исследователем множество загадок. Судя по водяным знакам на бумаге, летопись была составлена чуть ли не в петровские времена. Но в ней можно обнаружить массу уникальнейших сведений по истории сибирской экспедиции. Какова степень их достоверности?

...Составитель Погодинской летописи списал из Есиповской летописи фразу: «Ермак с товарищи послаша к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси с сунчем (с вестью о победе) атамана и казаков». Затем он дополнил текст: «Тут же послан был казак Черкас Александров потому... немалой, всего 25 человек». Погодинский летописец знал посланца Ермака по имени, и ему была известна численность казачьей станицы, прибывшей в Москву! Ниже автор Погодинской летописи записал, что царь Иван надолго задержал сибирских гонцов и что «ермаковы казаки Черкас Александров с товарищи» вернулись в Сибирь с воеводой Сукиным в 1586 г. Заслуживают ли доверия все эти сведения?

Архивная находка устраняет сомнения. В приходе-расходной книге Чудова монастыря значится, что в 1586 г. (перед выступлением в поход) сибирские казаки, в их числе «сибирской отоман Иван Александров сын, а прозвище Черкас» и Савва Болдыря пожертвовали монастырю связки сибирского соболя на помин своей души.

Погодинская летопись сообщает важные подробности насчет переписки между Ермаком и Иваном Грозным. Когда Черкас Александров и Савва Болдыря привезли в Москву грамоту Ермака, Иван IV велел составить ответное послание. По традиции царское послание начиналось с подробного пересказа письма. В летописи Есипова письмо изложено в нескольких словах. Ермак извещал Ивана IV, что казаки «царя Кучюма и с вои его победиша». Автор Погодинской летописи привел куда более полный текст казачьей отписки. Ермак писал царю, что он «сибирского царя Кучюма и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и с вои его победиша; и брата царя Кучюма царевича Маметкула разбиша ж».

Насколько достоверна эта подробная версия письма Ермака? Не сочинена ли она московским книжником? Ответить на этот вопрос помогает отчет о «сибирском взятии», составленный дьяками Посольского приказа в 1585 г. и сохранившийся в подлиннике. Под руками у дьяков были все казачьи отписки из Сибири. Воспользовавшись ими, приказные пометили: «государевы» казаки «Сибирское царство взяли, а сибирский царь Кучюм убежал в поле», после чего «племянник Кучюмов Маметкул царевич, собрався с людьми, приходил в Сибирь на государевы люди», но те и его «побили». Данные посольского отчета рассеивают сомнения в достоверности погодинской версии.

Безвестный книжник поведал об обстоятельствах, предшествовавших походу. Ермак Тимофеев, отметил он, прибыл с Волги, когда на пермские места напал сибирский царевич Алей, «а за год до того времени... пелымский князь Аплыгерым воевал... Пермь Великую». Эти сведения полностью совпадают с тем, что известно нам из царских грамот Строгановым 1581–1582 гг.

Ни Строгановы, ни чердынский воевода не знали имен «пелымского князя» и предводителя «сибирских людей», громивших Пермский край. Составитель Погодинской летописи знал больше. Он записал, что первое вторжение возглавлял пелымский князек Аблыгерым, а во втором участвовал сын и наследник Кучума царевич Алей.

Как можно объяснить редкую осведомленность безвестного автора? «Три сына у Кучума... — записал книжник, — а как оне взяты, тому письмо есть в Посольском приказе». Вот в чем дело! Летописец имел доступ к сибирским документам Посольского приказа. Именно этот приказ ведал делами, относящимися к Сибири, на протяжении всего XVI в. Следуя московским порядкам, посольские дьяки записали «распросные речи», иначе говоря, показания Черкаса Александрова об обстоятельствах сибирского похода. Эти речи (в пересказе Погодинского летописца) позволяют целиком пересмотреть всю историю сибирской экспедиции Ермака.

«Алей (сын Кучума), — значится в летописи, — пришел войной на Чусовую, и в то же поры прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарищи пограбили на Волге государеву казну и погромили ногайских татар и Чусовой сибирским повоевать не дали». (Громили ногайцев Иван Кольцо и другие сподвижники Ермака.)

Через лазутчиков Строгановы заблаговременно дознались о готовившемся нападении сибирского хана на их владения. Успешный набег пелымского князя был прелюдией. Кучум ставил целью полное изгнание русских из Приуралья. Оказавшись в трудном положении, Строгановы наняли вместе со служилыми атаманами также воровских казаков с их атаманами.

Полагают, что занятие столицы Кучума Искера (Кашлыка) предопределило исход войны с Сибирским ханством. Но это неверно. Решающее значение имело сражение на берегах Чусовой.

Война в Приуралье началась не с завоевательного похода Ермака, а с вторжения татар в русские пределы. Кучум бросил в наступление все свои войска, поручив наследнику царевичу Алею командовать ими. Татары обладали многократным перевесом сил. Алей не ожидал встретить серьезное сопротивление. Но ему так и не удалось одержать верх над войском Ермака. Сражение на Чусовой закончилось отступлением Алея. В критических ситуациях Строгановы нанимали до тысячи казаков. После боев с татарами на Чусовой и Каме в отряде Ермака осталось 540 человек.

С Чусовой Алей ушел на север, к берегам Камы, и напал на строгановский городок Орел. Он сжег Соль Камскую, но от Орла был отбит казаками. В награду Ермак получил от Строгановых именную пушечку.

Алей не желал возвращаться в Сибирь с пустыми руками. Он прошел далеко на север, к царской крепости Чердыни. По пути татары убивали жителей, грабили и жгли русские деревни. Гарнизону Чердыни с трудом удалось отразить нападение Алея.

Ермак был опытным военным и быстро оценил благоприятную ситуацию. С Алеем пришла на Русь вся Кучумова рать. Для обороны столицы у Кучума не осталось сил. После победы на Чусовой «с тех мест учали оне, Ермак с товарищи, мыслить и збираться, как бы им дойти до Сибирские земли и того царя Кучюма».

Имея в своем распоряжении пять казачьих сотен, Ермак, конечно же, не думал о завоевании Сибирского ханства. Казаки рассчитывали получить богатую добычу в Искере и вернуться на Русь с награбленным добром.

Строгановы понимали, что татары по пути из Чердыни вернутся на Чусовую. Уход казаков за Урал грозил обернуться для них большой бедой — разорением их владений. Строгановым нельзя было отпускать Ермака, пока татары не покинули Приуралья. Но повлиять на решение вольных казаков им было не под силу.

Вновь установленная хронология экспедиции Ермака разрушает традиционные представления, будто вольные казаки на летучих стругах добирались с берегов Чусовой до берегов Иртыша в течение года или двух-трех лет, заполненных кровавыми боями и длительными зимовками.

Сколько времени понадобилось казакам, чтобы преодолеть расстояние от Перми до Сибири и занять столицу «Кучумова царства»?

Большую часть пути — примерно 1200 километров из 1500 — флотилия Ермака шла вниз по течению сибирских рек. Против течения судам пришлось идти лишь в Приуралье от Чусовских городков до перевалов. Несложный расчет показывает, что в предгорьях Урала отряду Ермака достаточно было

продвигаться вперед по 15–16 километров в день, на сибирских реках — по 30–40. Такая скорость была доступна для подвижных казацких стругов. Казаки были превосходными гребцами. На таких крупных реках, как Тура и Тобол, они использовали также и паруса. Продвижение отряда могли задержать столкновения с туземцами. Но сопротивление со стороны редкого местного населения было невелико.

1 сентября 1582 г. Ермак покинул владения Строгановых и через 56 дней — 26 октября, в день Дмитрия Солунского, — занял столицу Кучума. Хан смог собрать для обороны Искера толпу воинов ханты и манси. Но они разбежались после первых же залпов казацких ружей.

С наступлением суровой зимы казаки оказались на пороге катастрофы. Реки замерзли, и струги, спасавшие их в войнах с татарами, пришлось вытащить на берег. Кучум дождался возвращения войска из-под Чердыни и попытался нанести казакам сокрушающий удар. Он поставил во главе армии царевича Маметкула, самого опытного из воевод. Решающее сражение произошло 5 декабря 1582 г. близ Абалака. Исход битвы был описан Посольским приказом в таких выражениях: «Сибирский царь Кучюм убежал в поле», когда русские заняли его столицу, после чего «племянник Кучюмов Маметкул-царевич, собравшись с людьми, приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех татар, которые были с Маметкулом, — больше десяти тысяч — побили...».

В бой с Ермаком вступили те самые войска, которым казаки нанесли поражение на Чусовой. Моральный фактор оказал огромное влияние на исход новой битвы. Казаки использовали все преимущества огнестрельного оружия и дрались с отчаянием обреченных. Они понимали, что их ждет либо победа, либо смерть.

Сражение на Абалаке закончилось разгромом татарского войска. Его командующий Маметкул некоторое время спустя был взят в плен.

Зимой казаки не могли выбраться из Сибири, а весной стали собирать ясак с местных племен на государево имя. Атаман Иван Черкас Александров повез ясак в Москву с известием о присо-

единении Сибири к России. Служилые атаманы взяли верх над воровскими. Эти последние надеялись заслужить царское прощение и избежать наказания за грабеж посольства в Поволжье.

Во второй половине 1583 г. гонцы Ермака после многих мытарств добрались до Москвы и известили царя о «сибирском взятии». Разрядный приказ стал готовить войска для зимнего похода в Сибирь. Однако 7 января 1584 г. московские власти приказали отставить зимний поход.

Болезнь и смерть Грозного задержали выступление воевод, которые должны были оказать помощь Ермаку.

Уже после кончины царя Ивана, в 1584 г., в Искер прибыл воевода Болховский, назначенный фактически первым наместником Сибири. Ермак получил приказ немедленно отбыть в Москву. Но Болховский умер, не вынеся трудностей похода, а Ермак не подчинился царскому приказу. Стрельцы, присланные вместе с Болховским, не имели при себе продовольственных запасов. Зимой они вымерли от голода почти все поголовно.

Ермак Тимофеевич был убит в стычке с татарами. Его сподвижники тотчас покинули Искер и бежали на Русь. Так окончилась сибирская одиссея Ермака.

В конце Ливонской войны Грозный строго воспретил ратным вести активные военные действия. В тех случаях, когда воеводы нарушали его приказ, они нередко добивались успеха. Пять казачьих сотен, действуя вопреки повелению царя, разгромили сибирского хана Кучума, попытавшегося изгнать русских из Приуралья. Однако плоды их побед были вскоре утрачены.